

Николай хотел уйти в стелс и спрятаться от Лукаса, но лучше было скрыть свои карты. Однако этот человек пытался помешать ему уйти, спросив о принцессе.

"Как она?"

Голос его звучал властно, как будто Николай должен был ответить, но ожидания незаконнорожденного сына не оправдались, и его проигнорировали.

— Подождите, — запаниковал молодой человек и бросился в погоню, но Николай продолжал идти. — Пожалуйста, скажи мне, как она, — сказал он, пытаясь схватить Николая.

Вспыхнула полоса света, и на шею Лукаса легло оружие. Молодой человек остановился, когда встретился взглядом с Николаем.

— Отпусти, — в его голосе не было ни уважения, ни страха, как он и велел. Николай уже сдерживал себя от завершения атаки, потому что никто не имел права трогать его так, как хотелось.

— Прошу прощения, — сказал Лукас, отпустив руку и подняв их. «Я не в том состоянии, чтобы драться. Может быть, мы сможем сражаться честно и честно, как только я хорошо отдохну?»

«Просто оставь меня в покое», оружие исчезло, и Николай продолжил уходить от Лукаса. «С ней все в порядке, и она такая же надоедливая, как и ты. Ты можешь спросить ее сама, так что держи меня подальше».

Его слова могли все усложнить, поскольку он называл принцессу королевства раздражающей. В конце концов, однако, он высказал свои истинные чувства по поводу всего этого, и принцесса могла бы даже счесть это знаком дружбы.

— Я обязательно сделаю это, ха-ха, — сухо рассмеялся Лукас, прежде чем идти за Николаем. Когда последний посмотрел на него, Лукас пожал плечами. «Город находится в этой стороне. Кроме того, вы сказали, что она просила вас помочь мне вернуться, и я действительно не в состоянии сражаться с какими-либо случайными монстрами».

«Ты — сын самого сильного человека. Ты и сам можешь лучше», — прощупывал Николай пределы возможностей мужчины, но не волновался.

«Это первый раз, когда кто-то решил поощрять меня использовать мою родословную вместо того, чтобы ругать меня за то, что я разочаровал», — сказал Лукас тоном, который создает проблемы для Николая. — Вы можете уйти, — неожиданно сказал он. «Но я мог бы сказать об этом ее высочеству, когда мы встретимся сегодня вечером».

"..."

Николай знал, что это будет хлопотно. Одно дело изображать раздражение из-за ее выходок, но ее команды нужно было выполнять. В противном случае она лишит его должности.

Хотя это было идеально для Николая, который хотел убежать, это также было плохо, поскольку он хотел проникнуть в Селестию, используя ритуал. Однако при этом он также должен убедиться, что принцесса выживет.

Смерть принцессы может ускорить события его прошлой жизни. Если бы два королевства вели войну раньше, это могло бы соблазнить эльфов напасть на них и заложить основу для

завоевания континента.

Эльфийская империя станет кошмаром для человеческих лордов, которые были брошены на вымирание в конце своей жизни. Николай дожил до того, как был одним из последних могущественных людей, прежде чем эльфийский правитель предал его.

«Конечная война», — так они называли это, и Николай знал, что это правильно. После того, как подземелья начнут разрушаться и повергать мир в хаос, королевства падут, а Возлюбленные Селестии восстанут.

— Назови мне свое имя, — Лукас вывел его из бесконечного цикла размышлений. «Я не знал, что у Марии есть такой последователь, как ваш».

«Я ее новый слуга. Мой отец служил мастеру Эдварду, поэтому на меня была возложена обязанность помогать принцессе во всем, что она хочет».

«Подарено или обременено?» Лукас ухмыльнулся, идя рядом с ним, зная, что Николай больше не будет его прогонять. — Что случилось с твоим отцом?

— Погиб на войне, — коротко ответил Николай.

"Мама?"

— Я ее никогда не знал, — нахмурился Николай. — Ты спрашиваешь обо мне, а не о принцессе?

— Я знаю о ней все, что мне нужно знать, но ты тоже интересная, а я о тебе ничего не знаю, — неторопливо сказал Лукас. — Значит, ты сирота.

— Я прожил в приюте большую часть своей жизни, — сказал Николай, и улыбка исчезла с лица Лукаса.

— Мне жаль это слышать, — сказал он, и Николай почти поверил его искренности. «Те, кто управляет этими местами, — отбросы общества».

— Я знаю, — бессознательно ответил он, соглашаясь, потому что чувствовал то же самое. Священник был жестоким психопатом, и его последователи не щадили многих детей. Они оправдывали все, используя имя своего бога.

— Ты не сказал мне своего имени, — снова спросил Лукас, на этот раз без прежнего интереса, но более искренне.

«Лайл».

"Приятно познакомиться, Лайл. Меня зовут..."

— Я знаю твое имя, — резко перебил его Николай. «Я тоже знаю о тебе больше, чем хотел бы, но принцесса не жалеет подробностей. Вы двое похожи друг на друга, поэтому мне интересно, почему бы вам не пойти и не навестить ее».

— Ты такой заботливый, — усмехнулся Лукас, взглянув на него. «Вы знаете о моей репутации и о том, насколько сильно я разочаровываю свою семью».

— Похоже, твоя единственная неудача — родиться, — сказал Николай, и Лукас от души рассмеялся. Затем, когда Николай нахмурился из-за продолжительного смеха, Лукас

успокоился.

— Прости, — снова извинился он. «Это самая правдивая вещь, которую я когда-либо слышал, так что она задела меня за живое. Я не знаю, смеяться мне или плакать».

«Пожалуйста, не делайте и того, и другого», — вздохнул Николай. "Я ускорю темп. Вы можете остаться позади", - сказал он, Николай рванулся вперед. Однако он был достаточно медленным, чтобы уставший Лукас не отставал от него, что он и сделал.

«Кажется, никакая тяжелая работа не сможет искупить предательство моего отца по отношению к его семье», — сказал Лукас, когда они бежали вперед, его голос был ясным, несмотря на ветер. «Я живу, чтобы нести вину, пока сильнейшие спят спокойно, ожидая глупого пророчества».

— Как ни глупы пророчества, зато они точны, — сказал Николай и почувствовал себя невежественным крестьянином. Было трудно отвергнуть пророчества, поскольку они исходили от определенного бога. В конце своих дней он сражался с теми возлюбленными этого бога, поэтому он знал, что лучше не отбрасывать точные пророчества.

«Будущее можно переписать. Это моя единственная вера в этот мир. Но если все высечено на камне, то какой смысл жить?»

«Мы здесь, чтобы страдать до конца».

"И они называют меня пессимистом," засмеялся Лукас. «Ты мне нравишься, Лайл. Ты честен в своих словах, как будто слишком сыт по горло, чтобы заботиться о том, что произойдет, когда они приземлятся».

«Большую часть времени я знаю, как они приземляются: плохо», — снова ответил Николай, прежде чем сорваться с места. Конечно, не было причин говорить это, но этот молодой человек был пугающе общительным.

«Может быть, это связь между сиротами».

«Мы все склонны ранить себя, как будто пытаюсь убедиться, что мир такой, каким мы его знаем: полный страданий, боли и ненависти. В большинстве случаев это работает хорошо, потому что доказывает, что мир такой же, каким мы его знаем. ... Тем не менее, мы почти не замечаем, что сделали это сами с собой».

«И цикл повторяется».

Они добрались до стен города прежде, чем Николай остановился и снова достал зонт. Это будет их прощание, но он не ненавидел Лукаса, чтобы в конце концов почувствовать облегчение.

«Увидимся сегодня вечером, Лайл», — сказал Лукас с ухмылкой, почесывая слабые шрамы на лице. Такие шрамы можно было увидеть на каждой видимой части его кожи, и они говорили о его прошлом.

— Надеюсь, что нет, — как обычно ответил Николай, хотя на его лице была улыбка. Затем он активировал зачарованный предмет, и Николай исчез.

Взгляд Лукаса не отрывался от его спины, пока он не прошел сквозь городские стены. Затем,

после того как он нашел переулок, чтобы выйти из своего стелса, Николай стоял молча, не двигаясь.

'Что я делаю?'

Было ощущение, что он повторяет то, что произошло с Серхио. Николай и алхимик были очень разными, но доверие между ними возникло из двух жизней. Лукас, напротив, был очень похож на Николая.

Однако финал будет таким же. Николай был неспособен быть рядом с кем-либо, потому что он был бомбой замедленного действия, которая однажды навредит тем, кто ему дорог. Лукас был прав в одном: их страдания были вызваны в основном ими самими, потому что они не знали другого способа жить.

Они не искали счастья и не мечтали о нем. Эта концепция была настолько чужда им, что они никогда не рассматривали ее. Желать такого было грехом.

Они знали только один образ жизни. Это было для борьбы с миром. Им нужно было сражаться со всем, чтобы выжить, и такие люди, как они, никогда не переставали сражаться и находили, за что сражаться. Это была раса, в которой они бежали от ужасного осознания.

«У нас нет причин выживать».

<http://tl.rulate.ru/book/73165/2017043>